

А.П. Паршев

Почему Россия не Америка (книга для тех, кто остаётся здесь)

Рекомендовано издателем в качестве начального курса экономики
для министров финансов, министров экономики,
директоров институтов проблем экономики
переходного периода

Фрагменты [\[20.163\]](#)

А кстати, почему при переходе к «мировому рынку» из экспорта исчезли продукты высоких технологий — машины и оборудование? Оказывается, в условиях конкуренции с остальным миром — это неизбежно. «Высокие технологии» на нашей территории более уязвимы, чем простейшие производства.

ПЕРЕДЕЛ

Есть в металлургии такое понятие: «передел». Можно сказать, что это что-то вроде технологической операции. Так, первый передел — получение чугуна из руды, второй — выплавка стали из чугуна, третий — обработка стали — прокатка, прессование, ковка, штамповка. Бывает и четвёртый — волочение, нанесение защитных покрытий, производство метизов и некоторых готовых изделий.

Если распространить это понятие «передела» дальше черной металлургии, то изготовление деталей машин — это пятый передел, сборка — шестой, может быть ещё и какая-то окончательная обработка готового изделия. Кстати, мы не учитываем в качестве передела добычу руды или иного сырья — «для чистоты эксперимента» надо бы назвать эту стадию технологического процесса «нулевым переделом».

Таким образом, на пути от исходного, первобытного сырья к готовому изделию лежит несколько этапов обработки, их количество зависит от сложности изделия. Крышка канализационного люка получается после одного передела исходного сырья, автомобиль — после шести-семи-восьми (точное число для деталей разное, например, лобовое стекло получается в результате пяти переделов, а остальные — после четырёх).

Чем такое расширенное понятие передела отличается от классического понятия технологической операции? Тем, что при производстве какого-то устройства технологические операции насчитываются сотнями и тысячами, но если мы проследим судьбу каждой конкретной детали, то окажется, что её касаются только шесть-семь. Я условно считаю за «передел», например, всю механообработку заготовки, превращающую

её в деталь. Переделы происходят на разных производствах, и могут быть даже разнесены географически.

Ранее мы уже выяснили, что любая технологическая операция в нашей стране обходится дороже, чем в остальном мире. Насколько? От точного знания того, насколько та или иная работа обходится в нашей стране дороже, чем в остальном мире, зависит правильный выбор российской технической политики. Вообще говоря, именно этим и должны заниматься в основном российские экономисты. Пока такие исследования не очень распространены, и, если и проводились, их результаты не слишком известны.

Итак, мы знаем, что каждая стадия технологического процесса (каждый передел) обходится нам дороже на несколько десятков процентов, чем в среднем в мире. Но это превышение накапливается по стадиям технологического процесса — а их в среднем 5–6. Продукция одного передела является исходным сырьём для следующего.

Вспомним приведённую ранее таблицу из книги В. Андрианова, показывающую, что производство продукции ценой в 100 долл. стоит нам издержек на 253 долл. Даже, из-за её важности, воспроизведем еще раз:

Страна	Все издержки	Топливо, электро-энергия	Сырье, полуфабрикаты	Зарплата	Амортизация
Россия	253,0	25,0	127,5	93,0	7,5
Великобритания	121,5	6,0	65,0	45,0	5,5
Италия	111,5	5,5	54,0	46,0	6,0
Германия	110,5	7,0	59,5	39,0	5,0
Франция	109,0	6,0	56,5	41,0	5,5
США	93,0	8,5	56,5	24,0	4,0
Япония	89,5	5,5	51,0	29,0	4,0

Как накапливается отставание наших «высоких технологий» от зарубежных? Предположим даже, что мы не так уж сильно отстаем от других стран, что наше производство более энергоёмко по сравнению со средним всего в 3 раза, по амортизации в 2 раза, по зарплате (напомню, это не только то, что «на руки», это стоимость обеспечения жизни рабочего вообще) в 1 раз, хотя реально это не так. Примем также, что мы начинаем производство, работая с сырьем (рудой), которое стоит одинаково для всех. Среднемировые пропорции затрат на технологический процесс по этим статьям примем (довольно условно) 1:5:3:1, но в нашей стране будет, соответственно с «налогом на климат», 3:5:3:2.

Итак, эта «средняя» страна потратит за один передел 10 долл. на топливо, 50 на сырье, 30 на зарплату, 10 на амортизацию — итого 100 долл. Мы потратим соответственно 30, 50, 30 и 20 — итого на 130 долл.

К следующему этапу мы будем иметь результат передела, который послужит полуфабрикатом для следующей стадии, уже в 1,3 раза более дорогой, чем у наших конкурентов.

Новый передел: конкурент опять тратит 10, 50, 30 и 10. А мы тратим уже 30, 65 (а не 50, как на первом этапе), 30 и 20 — итого 145. Продукт уже в 1,45 раза дороже, чем у конкурента.

Третий передел: конкурент тратит 10, 50, 30, 10. Мы — 30, 72,5, 30 и 20 — итого в 1,53 раза больше, чем конкурент.

На следующем этапе сырье (полуфабрикат) для нового передела будет стоить нам уже 76 долл. по сравнению с 50 у конкурента. А ведь начинали-то с сырья одинаковой цены! При этом мы условились, что производственные ресурсы расходуются на разных стадиях в одинаковых пропорциях. Но обычно на последних этапах доля стоимости сырья растёт. В этом случае издержки в нашей стране на более поздних этапах будут еще сильнее расти.

То есть относительная затратность каждого продукта по сравнению с мировым зависит от количества переделов — чем больше переделов прошёл продукт, тем выше его себестоимость (или затраты на него) по сравнению с таким же продуктом, произведённым в других промышленных регионах мира. А ведь мы не учли, что сырье на самом деле обходится нам дороже, как нефть, например — напомним, что её себестоимость у нас по сравнению с кувейтской выше в 3-4 раза!

Так что же получается — чем сложнее продукт, тем труднее ему конкурировать на мировом рынке?

Именно так. Если сырье в России обходится дороже на десятки процентов, то готовые изделия уже на сотни, и, продавая их по мировым ценам, российский производитель, чтобы быть конкурентоспособным, отнимает у себя. Раньше это было в неявной форме, потому что внутри страны цены устанавливались произвольно, без учета реальных издержек, а сейчас, с частичным входом в международный рынок, многое проявилось. Почему и цемент наши заводы не могут продавать по мировой цене даже внутри страны — она меньше, чем их издержки на производство. Раньше мы тоже разоряли себя, хотя и неявно.

Что может отнять у себя производитель, чтобы снизить отпускную цену? За все купленное (сырье, энергия) надо платить, хочешь не хочешь. Экономить приходится на зарплате (не платить её) и, самое неприятное, на амортизации. То есть приходится не восстанавливать основной капитал, расходуемый в процессе производства!

Вот именно поэтому и складывается, вообще говоря, та самая сырьевая ориентация российского экспорта, которую ставят в вину Брежневу или Ельцину, в зависимости от политических пристрастий обвинителя. Но суть дела проще — если уж мы приняли решение: «Вывозить!», то сама жизнь быстро объясняет экспортерам, что вывозить лучше сырье, а не готовую продукцию. Меньше потери! Так и было во все времена, во все века.

Об этой ориентации говорится и в первой главе «Евгения Онегина» — помните, за что поставлялись в Россию предметы роскоши: «...за лес и сало...». Не зря эту книгу называют «энциклопедией русской жизни», это не лесть Пушкину. Пушкин в лицейские годы был дружен с семьей Н.М. Карамзина, можно сказать, не выходил из его дома, и, очевидно, многое впитал. А Карамзин был не только историк, но и блестящий экономист, гораздо лучше понимавший суть дела, чем нынешние публицисты.

Так что в вину руководителям того или иного времени можно поставить лишь идею широкой внешней торговли, но структура её во многом складывается уже по экономическим законам, естественным путём. «Свободная» внешняя торговля автоматически и очень быстро ведёт к деиндустриализации страны, но и «социалистическая» не способствует развитию собственных высокотехнологичных производств.

Кстати, из той же главы «Онегина» виден глубокий аморализм внешней торговли того времени. Пушкин не подчёркивает его, не «обличает», просто показывает. Умный не скажет, дурак не додумается. Подумайте на досуге, кто и в нашем обществе получает выгоды от внешней торговли, а кто обеспечивает её существование и несёт, соответственно, тяготы. И справедливо ли это?

История показывает, что несправедливое общественное устройство в нашей стране может долго существовать, но рухнет потом с очень тяжелыми последствиями. В первую очередь для виновников несправедливости...

Вернемся от «высоких материй» к «нашим баранам». Пойдите, пойдите, скажут мне. Что же получается? Что нам выгоднее, раз уж решили торговать, вывозить сырье, а не высокотехнологичную, наукоемкую продукцию? Ведь нам все последние десятилетия говорили о выгодности «глубокой переработки сырья»? Что лучше вывозить качественные доски, чем круглый лес?

Да! По экономике производства — именно так. С точки зрения «эффективности» выгоднее продукцию, прошедшую меньшее количество переделов, менять в мировой экономике на высокопередельную, а не наоборот. Сколь бы ни была совершенна технология изготовления продукции, если в мире ещё кто-то её производит, если технология известна ещё кому-то, кроме нас — то при внешней торговле такой продукцией мы несём потери, тем большие, чем глубже степень переработки исходного сырья. Вот так-то. Экспортируя автомашины, мы, вместо прибыли, на самом деле разоряемся, хотя автостроители и продавцы богатеют.

Неожиданно? Но ошибки в рассуждениях нет — хотите, проверьте.

Но при этом — пытаюсь добиться «эффективности» и продавая сырье — мы не используем ценнейший ресурс — рабочую силу. Наше население остаётся без работы!

То есть надо уточнить: торговля высокопередельной продукцией не «менее выгодна», а «более невыгодна». Вывоз сырья нам невыгоден тоже, если мы не монополисты или не договорились с другими производителями такого сырья.

Далее я покажу, что вывоз сырья нам все-таки невыгоден, даже, можно сказать, является медленным самоубийством. Мы можем вывозить только готовую продукцию.

И, ещё раз: нельзя продавать уникальные технологии — мы себе сразу все концы обрубам. Эти технологии, применённые в другой стране, дадут более дешёвую продукцию, с которой мы будем тягаться, только неся тяжёлые потери...

*

Не может наш производитель продать за «живые» деньги свою продукцию, потому что он должен выручить больше, чем затратил, а мировая цена — ниже. Вот он и меняется с другими такими же, баш на баш. То, что называется бартером, на самом деле стихийно возникшая неконвертируемая российская валюта, пока безначальная.

Но наши промышленники и экономисты не решаются признать, что нельзя избежать неизбежного, и как бы не знают о более высоком уровне издержек в нашей стране. А если не использовать обычный экономический анализ «выгоды-издержки», то остаётся только подозревать нечестную игру иностранцев. Считается, что в мире существует предвзятое отношение к России, и что нас разоряют целенаправленно:

«...Как только СССР стал проводить политику "включения в мировой рынок", ему немедленно опустили цены на все экспортные ресурсы: нефть, лес, руды, металлы и т. д. То есть, начали обворовывать граждан СССР, их детей и будущие поколения». (Ю.И. Мухин, "Кредит", газета "Дуэль" № 17, 1999г.)

Действительно, дела обстоят таким образом, что цены на сырьё в мире падают. Произошло ли это из-за того, что на рынок вышла Россия? Нет, и до того мы экспортировали сырьё в довольно значительных масштабах. Просто Россия более зависит от внешней торговли, чем зависел Советский Союз — у него и своё производство было, а нам это падение цен гораздо заметнее.

Тут чувствуется давнее наше заблуждение — мы считаем, что мы очень значительная величина в мире, и что ради нас приводятся в действие глобальные процессы. Это не так, наши огромные пространства, как и Антарктида, ни на кого не производят впечатления. В мире что-то значили не миллионы квадратных километров тундры, а государственная мощь СССР, и с её исчезновением мы выпали даже из первой десятки, и Франция и Англия более значимы, чем мы. Во всех отношениях — и в науке, и в спорте, и в культуре особенно.

И это касается и сырья — с нашими жалкими 40 млрд. долларов сырьевого экспорта — мы никто. Поставляем мы нефть, не поставляем — никто в мировом масштабе этого не заметит. Даже лес — в мире его много, а в Америке, Канаде, Европе уже давно действуют лесные фермы, где, как на конвейере, убирают насаждения нескольких американских видов сосны, которые быстро растут и дают отличную древесину. И вообще сырьевыми регионами двадцать первого века станут тропические области Африки и Южной Америки.

А вот целенаправленное давление на производителей сырья — имеет место, и не только Россия является мишенью. Падение цен на сырьё — давний процесс. Добывать сырьё умеют всё лучше, расходуют всё экономнее, а запасы даже невозобновляемых ресурсов ещё далеко не исчерпаны. Казалось бы, месторождений становится все меньше, цены на сырьё должны расти — ан нет, на все виды сырья идёт планомерное падение с 50-х годов. Только нефть росла до 86-го года (в 5 раз с 50-х годов), правда, с учётом инфляции, это не в пять раз, а поменьше. Но в 86-м начался резкий спад, а сейчас он ещё усилился.

Все-таки, в данном случае, видимо, более правилен другой закон, а не закон спроса и предложения, как утверждают западные экономисты. Согласно закону стоимости, открытому, по-моему, ещё Марксом (так нас по крайней мере учили), в условиях конкуренции цена на товар стремится упасть до уровня издержек на его производство. Вот она в мире и падает. Бывший владелец сырья в результате получает не стоимость сырья, а только возмещение затрат на добычу, плюс прожиточный минимум.

Вы думаете, колумбийские старатели, добывающие лучшие в мире изумруды, богачи? Нет, нищие.

Кстати, может быть, вы думаете, что мы — владельцы наших природных богатств? Нет. Даже если не принимать в расчёт разнообразных ...ских, то все равно: владелец ресурсов тот, кто их потребляет. А это не мы!

Немцы потребляют на душу населения 26 кг алюминия, а мы 10, и не немцы его производят. Фосфорных удобрений американцы расходуют 157 кг на душу, мы — 16. И эти данные относятся к тому периоду, когда у нас все работало. Вот кто владелец ресурсов!

Нас не только разоряют целенаправленно — так и само собой получается, как только мы вливаемся в «мировой рынок». Причём все мировые производители от продажи

распространённого сырья имеют хоть мизерную, но выгоду, а мы продаём чаще в убыток — у нас и на добычу сырья затраты больше. Нашим лесорубам телогрейки нужны, а бразильским — нет и т. д. и т. п.

Для высокотехнологичных товаров этот закон стоимости не успевает подействовать — появляются все новые виды, и производитель такого товара, пользуясь монополией, держит высокую цену. Это хорошо видно по процессорам Пентиум — новые модели довольно дороги, пока конкуренты — АМД, "Сайрекс", некоторые другие фирмы — не выпускают аналог. После этого цена быстро падает до уровня себестоимости. То же касается и других высокотехнологичных изделий. И на автомашины каждой конкретной модели цены после выхода в серию снижаются, и порой довольно резко, но новые модели — новые цены. Автомобиль нынешний — не тот, что был в 50-х годах! Такие производители, как сёрфингисты, должны держаться на переднем фронте волны, и тогда они несутся вперёд.

А вот руда — и всегда была руда, её потребительские свойства не меняются, и сейчас немыслима ситуация, как в войну, когда добыча какого-либо стратегического сырья давала десятикратную прибыль. Но тут надо быть шведами: чтобы все вокруг воевали, а мы бы только рудой торговали.

Удержать цену существенно выше себестоимости могут только монополисты, и против сырьевого монополизма Запад борется всеми силами. Западные страны эффективно разрушают все союзы экспортёров сырья типа ОПЕК, не давая производителям удержать цены на высоком уровне.

Но, кроме того, наша страна и не борется за цены, особенно сейчас. Нефть, например, экспортируют мелкие фирмы, нередко это просто бандитские группы. Их задача — продать как можно больше и поскорее смыться, какая уж тут стратегия. То же — и в других областях.

И самое грустное, что эта ублюдочная политика не нова. Мы и раньше могли лучше влиять на мировую конъюнктуру, но... Например, многие виды сырья производили только мы и ЮАР, но по причинам «идеологического» свойства какое-либо взаимодействие между нашими странами было невозможно.

Как мне кажется, западный мир намеренно усложнял ситуацию в Южной Африке, поощряя наиболее непримиримые к «коммунистам» слои, делая тем самым в конечном итоге дешевле сырье. На мой взгляд, тот странно высокий накал войны в Анголе, явно превышавший геостратегическое значение этой страны, инспирировался Западом через свою агентуру и в ЮАР, и в СССР. Цель та же — чтобы алмазные и хромовые короли не договорились между собой о монополюно высокой цене.

И опять-таки, если кто думает, что такая ориентация нашей внешней торговли навязана нам западными теоретиками, то это от невежества. Практическими политиками — в какой-то степени да, но не экономистами-теоретиками. В западных учебниках для туземцев особо предупреждают, что опасно базировать экономику на сырьевом экспорте, а тем более на монокультуре. В случае падения цен на этот вид сырья экономика такой страны кончает крахом!

**

То есть в идеальном случае, когда решается вопрос о развёртывании производства нового типа машин, надо просто считать — может быть, выгоднее произвести дополнительно партию уже освоенных производством машин и поменяться с иностранцами? Вот для таких расчётов понадобятся профессиональные (и высокооплачиваемые) экономисты! Вот в этом

главная задача технологов и экономистов — точный расчёт издержек в альтернативных технологических процессах. Будет ли выгода по сравнению с другими странами? С учётом нашей энергоёмкости? Если будет — можно и продавать, точнее — меняться.

Мы говорили о невыгодности экспорта продукции, технология которого в мире распространена. Но если мы будем выпускать по уникальной — чрезвычайно массовой технологии — то в этом случае, за счёт отличий в технологии, такое производство может быть более выгодным.

Ещё раз: если наша промышленность будет производить всё, то значительная часть производств будут мелкосерийными, что — технологи знают — верный путь к разорению. У нас 130 тысяч предприятий — а современное общество нуждается в гораздо большем числе производств!

Но нужен справедливый обмен, а как его достичь? Вот это — первый и главный вопрос — как достичь справедливого обмена. Есть принцип — рынок является, справедливым, когда продажа и покупка на нём происходят без принуждения. А для этого нужно сильное государство, то есть не такое, где президент смотрит буквой, а где экономика способна обойтись своими силами в случае шантажа и принуждения.

В порядке анекдота — но не совсем анекдот. До афганской войны серьёзным экспортным производством у нас было изготовление галош, продавали мы за рубеж миллионы пар, правда, в основном в Афганистан. Никто не решался отобрать у нас такой экзотический сектор рынка — эта технология в мире была утеряна, как строительство пирамид.

Это ещё одна иллюстрация к той же мысли — конкурентоспособной может быть почти любая продукция, лишь бы её хоть как-то можно было использовать, и лишь бы цена соответствовала её потребительской стоимости.

Итак — автаркия не нужна. Но изоляция нужна!

Так в чем же должна быть изоляция?..

**

Как уже показано выше, основной и первой бедой для нашей экономики является утечка капитала. А что такое капитал? Валюта? Нет, как раз валюта — не всегда капитал. Если она предназначена для закупки чего-то необходимого для производства — тогда да. Если же она используется для покупок для себя, душу потешить — это не капитал. Вот сырьё, энергия, оборудование, помещение — вот это всегда капитал!

Капитал — это то, что может использоваться в процессе производства...

*

Надо принять Поправку (к Конституции РФ — А.Г.) — «Первую Поправку» примерно следующего содержания:

Общественный строй России — капитализм. Высшей целью капитализма является сохранение и приумножение капитала. Капиталом является все, что может быть использовано для производства. Вывоз капитала из России запрещён

Если кто икнул, прочитав это, то подумайте: а что тут такого? Тут, кстати, про частную собственность я ничего не говорю, ни полсловечка. Капитализм и государственный бывает. Капитализм и частная собственность — не синонимы, это разноуровневые вещи! Просто сейчас уже начали нести по кочкам и «капитализм», и «рынок», а ведь их у нас ещё не было, мы их не попробовали!

То определение «капитализма», к которому мы привыкли — «на основе частной собственности на средства производства» — идеологическое. На самом деле капитализм — это человеческая деятельность, постоянно направленная к увеличению капитала. Для нас именно такая направленность экономики в масштабах страны — жизненная необходимость, поскольку в нашей стране в условиях открытости рынку естественной целью деятельности экономических субъектов является ликвидация капитала путём его вывоза из страны.

С моей точки зрения, опасность для России того «капитализма», который мы знаем по учебникам, заключается только в возможности вывоза капитала, в денежной или натуральной форме. Все другие опасности частного (бывает и не частный) капитализма, то, чего боится левая оппозиция, на мой взгляд, преувеличены. Во всем мире есть определенные механизмы, юридические, налоговые и т. д., позволяющие ограничить возможность владельца капитала использовать его только в свою пользу, а, тем более, в ущерб обществу.

Чтобы избежать нынешней ситуации — все общество беднеет, а некоторые богатеют — нужно знать, как и почему это происходит. И не так уж жизненно необходимо, на самом деле, отбирать «многомиллиардные состояния» у Вяхирева или (свят, свят) даже у Чубайса — на самом деле владельцы их просто управляют целыми отраслями промышленности, и даже прибыль от них не используют на собственное потребление. И если они будут управлять ими и дальше, но не во вред стране, а на пользу — кто против? Просто придётся поставить, к примеру, тому же Вяхиреву некоторые рамки в его деятельности.

Особенность частнособственнического капитализма, действующего в однородной по издержкам среде, в том, что кто эффективно управляет, тот, в конце концов, перехватывает ресурсы у неэффективных. И у нас должен существовать метод передачи ресурсов тем, кто может их применять эффективнее, на пользу всему обществу, состоящему из нынешнего населения и будущих поколений. Я тут рецептов не предлагаю, предлагаю самостоятельно подумать.

В конце концов, можно даже и оставить название «частная собственность», но из прав собственника убрать одно — право вывоза за границу, которое может принадлежать только обществу в целом — или в лице государства, или даже с помощью ещё не существовавшего у нас механизма — когда любой вывоз будет осуществляться на основе консенсуса между административными структурами и органами народного представительства. Такого у нас ещё не было, но это необходимо.

Ещё больше уступлю — да мне нет дела, какая у нас будет форма собственности. Пусть хоть коммунизм. Лишь бы капитал (средства производства разного рода) из страны не вывозились, все желающие могли работать, и чтобы производство было эффективным — производились лишь нужные вещи. И чтобы доступ потребителей к товарам не ограничивался нерыночными мерами («черный ход — завмаг — товаровед»).

Согласно Первой Поправке из страны нельзя будет вывозить сырье (в том числе теплоносители), комплектующие, оборудование, инструмент. Все, что может быть использовано для производительного труда, понадобится нам самим, для реализации того самого основополагающего принципа — чтобы каждый желающий трудиться из нынешнего и будущих поколений был по возможности обеспечен средствами производства.

Но мы ведь говорили, что не все виды сырья у нас есть. Значит, нужна Вторая Поправка —

Под общественным контролем допустим обмен одних видов основного капитала на другие. При этом допустим обмен невозобновляемых российских ресурсов только на невозобновляемые.

Итак, нефть или газ можем продавать? Нет, так как они могут использоваться в производстве. Менять можем? Да, на уран или вольфрам (помните — «государства торгуют меной вещей» — Н.М. Карамзин). А на зерно? Нет, на зерно мы можем менять только гидроэлектроэнергию, лес или клюкву. Причём при обмене капиталом выгодно менять сырьё (возобновляемое, конечно) на трудоёмкие в изготовлении машины.

А что же мы можем просто продавать? Только те потребительские товары, которые нельзя использовать в производстве. А если под видом потребительских товаров кто-то попытается вывозить сырьё? Это придётся контролировать так же, как американцы контролировали использование своих «стратегических» товаров в соцстранах, хотя и по другим причинам. Они как-то раз запретили продажу за рубеж каких-то электронных игрушек, потому что в них была микросхема, однотипная с применявшейся в каком-то оружии.

Так и у нас, если окажется, что что-то из проданного где-то используется в промышленности, то экспорт такого товара прекращается и производится расследование...